

Наталья Третьякова

По крышам НАД НЕВОЙ

серия: ПРОШЛОЕ ПОД ПРИЦЕЛОМ

Наталья Третьякова

По крышам над Невой

«Автор»

2026

Третьякова Н.

По крышам над Невой / Н. Третьякова — «Автор», 2026

Команда сочинской передачи «Прошлое под прицелом» отправляется покорять питерские крыши. В их планах – раскрыть тайны сигнальных фонарей, но главным открытием станет способность редактора сохранять самообладание, когда: бывший полицейский ищет на крышах криминальные следы; амбициозный ведущий мечтает о федеральном канале прямо на чердаке; влюблённый оператор, постоянно что-то роняет; восторженная ассистентка планирует романтические сцены с ветром и туманом; а вредная соседка с собачкой пытается пролезть в кадр, чтобы «помочь с бытом». Также присутствуют: подробные детали съёмочного процесса, спонсор-руфер с загадочным прошлым и звукорежиссёр, знающий все сплетни Сочи. Предупреждение! чтение данной книги может вызвать: желание немедленно отправиться на крышу (не рекомендуется); неудержимое желание завести кота (или таксу); непреодолимую тягу к сочинению пафосных речей о величии (особенно на ветру); и, конечно же, отправиться в Питер, что бы согреться корюшкой и пышками.

© Третьякова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Наталья Третьякова

По крышам над Невой

Глава 1

В Сочи, где даже воздух будто пропитан курортной суетой и лёгким налётом вечного праздника, утро у Веры Павловны Ветровой, которой, между прочим, сорок три года (что она, впрочем, упоминала исключительно в моменты, когда кто-нибудь чересчур уж бодро советовал ей «просто расслабиться и не принимать всё близко к сердцу»), начиналось не с ароматного кофе и ласкового морского бриза, а с отчаянной погони за котом Тучей, чья шерсть, казалось, уже стала официальным элементом декора квартиры - она была везде: на чёрных брюках для съёмок, на сценарии, даже на телефоне, по которому в этот самый момент настойчиво звонила Галина Петровна, учительница химии.

- Вера Павловна, ваши дети опять устроили на уроке фейерверк! - голос Галины Петровны звенел так, будто она уже мысленно составляла жалобу министру просвещения. - Ну, не буквально, разумеется, но по уровню разрушения - почти то же самое! Вероника смешала реактивы, а Вова зачем-то поднёс к пробирке зажигалку! Я уж думала, сейчас потолок обрушится от пара!

Вера, одной рукой пытаясь поймать Тучу, который с издевательски довольным видом запрыгнул на шкаф, а другой, прижимая телефон к уху, выдала свою фирменную обезоруживающую улыбку - правда, собеседница её не видела, но интонация вполне передавала весь спектр эмоций:

- Галина Петровна, вы же знаете, они у меня не со зла. Просто у них энергия бьёт через край, как фонтан на набережной в пик сезона. Мы обязательно поговорим, обещаю!

Едва она сбросила звонок, как в прихожей раздался грохот - это Андрей «Дроня» Аверский, оператор, здоровяк с душой щенка и талантом ронять всё, что попадает в руки, ввалился в квартиру с выражением лица человека, который только что чудом избежал падения в канализационный люк.

- Ой, Вера Павловна, простите, я тут немножко... ну, это... задел косяк, - пробормотал он, краснея так, что даже уши порозовели. - Зато посмотрите, какой свет на улице! Прямо как в кино, честное слово! Можно сразу снимать!

В дверях тут же возникла Зоя Зайцева, ассистентка Веры, - юная, восторженная и такая воздушная, будто её вообще держали на земле исключительно ремни сумки с документами:

- Вера Павловна, Герман «Гром» уже рвёт и мечет на площадке! Говорит, если через пять минут не начнём, он уйдёт снимать рекламу йогурта! А Станислав Аркадьевич требует латте с кокосовым молоком, причём чтобы пена была в форме дельфина! Ну разве это нормально?

Вера наконец поймала Тучу - кот посмотрел на неё с таким высокомерным презрением, словно был не домашним питомцем, а по меньшей мере директором телеканала.

- Нормально, Зоя, это же наша обычная среда обитания, - вздохнула Вера, машинально стряхивая с плеча очередную порцию кошачьей шерсти. - Скажи Станиславу Аркадьевичу, что дельфинов из пены мы пока не освоили, пусть довольствуется обычным сердечком. А Герману передай, что мы уже бежим, даже если придётся лететь.

Тут из-за спины Зои выглянул Семён Сергеевич, звукорежиссёр, - ворчливый и знающий про всех вокруг столько сплетен, что мог бы запросто заменить собой все местные паблики в соцсетях.

- А я вам сразу говорил, что начинать съёмки в десять утра в Сочи - это самоубийство. Тут же все туристы как раз выходят на пляж, будут лезть в кадр с надувными крокодилами! Да и свет не тот, и ветер не с той стороны! Ну кто так работает, а?

Вера только усмехнулась. Она уже привыкла, что Семён Сергеевич начинал брызжать ровно за минуту до включения камеры - видимо, это у него такой ритуал на удачу.

- Семён Сергеевич, если бы мы ждали идеального света и отсутствия туристов, мы бы до сих пор снимали пилотный выпуск, - ответила она, поправляя причёску и мысленно прощаясь с надеждой на спокойный день. - Так, все готовы? Тогда вперед - спасать передачу «Прошное под прицелом» от полного хаоса!

На пороге квартиры в этот момент возникла Рина, вредная соседка с таксой Вуппи, которая всегда смотрела на Виктора так, будто он был не мужем Веры, а последним эклером на витрине.

- А Виктор Вениаминович уже уехал? Такой мужчина, такой воспитанный... Не то что некоторые, - протянула она, многозначительно покосившись на Тучу, который в ответ презрительно прищурился. - А вы опять на съёмки? Ну-ну...

Вера лишь крепче сжала ремешок сумки.

- Да, Рина, опять. Работа такая, - ответила она с ослепительной улыбкой, за которой скрывалось желание сказать куда больше, но воспитание (и опасение, что это попадёт в местные сплетни) удерживало её от резких слов. - Ну, мы побежали!

И вся эта компания - энергичная Вера, добродушный Дроня, восторженная Зоя, ворчливый Семён Сергеевич и невидимый пока Герман «Гром», уже превращавший съёмочную площадку в поле битвы за идеальный кадр, - вывалилась на залитую солнцем сочинскую улицу, где, казалось, даже пальмы посмеивались над их суетой.

Фирменный фургон передачи «Прошное под прицелом», на борту которого красовался ведущий Станислав Аркадьевич Харин в эффектной позе с микрофоном (фото, правда, сделали ещё в прошлом сезоне, и с тех пор логотип слегка выцвел на южном солнце), бодро катил по весеннему Сочи. За окном разворачивалась та самая курортная феерия, от которой у приезжих обычно перехватывает дыхание, а у местных - лишь устало дёргается глаз: пальмы, будто наряженные к празднику, топорщили глянцевые листья; магнолии источали такой густой аромат, что Андрей «Дроня» Аверский, сидевший рядом с звукорежиссером, а по совместительству и водителем Семеном Сергеевичем, то и дело шмыгал носом и бормотал: «Ну вот, опять аллергия просыпается, будто я не оператор, а ботанический справочник!»

- Зато смотрите, какой свет! – секунду спустя оживился Дроня, тыча пальцем в лобовое стекло, где солнечные блики весело прыгали по крышам кафешек. - Прямо как в голливудском блокбастере, честное слово! Только вместо пальм там обычно кактусы, да?

Ассистентка Зоя Зайцева, прильнувшая к окну с таким восторженным видом, словно видела всё это впервые, вздохнула:

- А мне кажется, тут даже воздух пахнет приключениями! Ну, почти... Хотя нет, это, наверное, шаурма из той палатки на углу.

Вера Павловна лишь усмехнулась:

- Приключения, Зоя, обычно пахнут не шаурмой, а проблемами. Причём сразу в промышленных масштабах.

Семён Сергеевич, руливший фургоном с выражением лица «я всё это уже сто раз видел и ничему не удивляюсь», сказал:

- Проблемы у нас будут, когда Герман «Гром» увидит, что мы опоздали на двадцать минут. Он же у нас перфекционист: если кадр не идеален, он готов переснимать до второго пришествия, причём непременно при лунном свете и в полной тишине, которой в Сочи отродясь не бывало.

Тем временем фургон свернул на набережную, и впереди показалось здание старого сочинского театра - величественное, с колоннами, которые, казалось, помнили ещё те времена, когда по этим улицам прогуливались дамы в кринолинах, а не туристы в футболках с надписью «Я люблю Сочи». Теперь в его просторных залах, где когда-то гремели овации, обосновалась студия «Прошлое под прицелом» - со всеми её проводами, софитами и вечным хаосом, который почему-то всегда умудрялся складываться в нечто похожее на рабочий процесс. Едва команда вывалилась из фургона, навстречу им вылетел Герман «Гром» Громов - бледный, взъерошенный и такой напряжённый, будто только что предотвратил катастрофу вселенского масштаба (что, зная Германа, вполне могло оказаться правдой).

- Ну наконец-то! - воскликнул он, размахивая руками так, словно пытался отогнать рой пчёл. - Мы уже думали, вы решили устроить экскурсионный тур по всем чебуречным города! А у нас тут событие!

Он сделал драматическую паузу, явно наслаждаясь эффектом, и только потом продолжил:

- У нас новый спонсор! И он хочет финансово поддержать программу «Прошлое под прицелом»! Более того - он готов оплатить всем поездку в Питер!

С этими словами Герман величественно отступил в сторону, открывая вид на пожилого мужчину в потрёпанной куртке, с цепким взглядом и такими же цепкими пальцами, которыми он то и дело поправлял ремешок рюкзака.

- Знакомьтесь, это Василий Петрович, - представил спонсора Герман. - Бывший архитектор и руфер из Питера. Знает все крыши Северной столицы как свои пять пальцев. И хочет, чтобы мы сняли выпуск про питерские крыши - мол, это же кладёзь историй, тайн и потрясающих видов!

Василий Петрович кивнул, окинув команду внимательным взглядом:

- Я сам лазил по этим крышам ещё в восьмидесятых. Там такое творилось - вам и не снилось! А теперь молодёжь лезет без подготовки, без уважения к пространству... Надо показать, как это на самом деле - красиво, опасно и очень атмосферно. Хочу чтобы вы рассказали историю про «фонарщиков». Ну что, согласны?

Не успела Вера Павловна и рта раскрыть, как рядом возник Вениамин Лазарович Ветров, свёкор Веры, - бодрый, неугомонный и с таким видом, будто он только и ждал подходящего момента, чтобы ворваться в действие.

- А я с вами поеду! - заявил он без предисловий, поправляя галстук, который, судя по всему, надел специально для такого случая. - Я же бывший полицейский! Вдруг там криминал какой на этих крышах? Да и Питер я знаю неплохо - бывал там по службе. Без меня вам никак!

Вера мысленно вздохнула. Спорить с Вениамином Лазаровичем было всё равно, что пытаться уговорить море перестать шуметь - бесполезно и утомительно.

- Ну, если вы уверены, Вениамин Лазарович... - начала она дипломатично, но тут из-за угла вынырнула её соседка Рина, держа на руках Вуппи, собака смотрела на всех с таким высокомерным видом, словно была королевой бала.

- Ой, а куда это вы все собираетесь? - пропела Рина, поглаживая таксу. - В Питер, говорите? А можно я тоже? Вуппи необходима смена обстановки...

Вера почувствовала, как у неё начинает дёргаться глаз.

- Рина, это рабочая поездка, а не туристический круиз, - попыталась она мягко, но твёрдо обозначить границы.

- Ну что ты, Вера, я же не мешать буду, а помогать! - возразила Рина с ангельской улыбкой, за которой явно скрывалось что-то куда менее безобидное. - Я могу, например, следить за бытом! Или за Виктором Вениаминовичем, если он тоже поедет... ну и за общим настроением группы!

Василий Петрович, наблюдавший за этой сценой с неподдельным интересом, лишь пожал плечами:

- Если человек хочет ехать и не будет лезть в кадр - пусть едет. Расходы я беру на себя, лишь бы выпуск получился интересным. Крыши Питера того стоят, поверьте.

Тут к группе подошёл Станислав Аркадьевич Харин, ведущий передачи, который до этого момента загадочно отсутствовал, видимо, репетируя перед зеркалом особо эффектную позу.

- А что тут обсуждать? - заявил он, поправляя воротник рубашки так, чтобы все могли оценить его безупречный стиль. - Со мной любой выпуск будет интересным! Я же звезда! Вот сниму этот питерский блокбастер, покажу его нужным людям - и привет, федеральный канал в Москве! Буду вести ток-шоу, а вы все будете мной гордиться!

Зоя восхищённо захлопала ресницами:

- Ой, Станислав Аркадьевич, как здорово! А вы будете рассказывать про крыши и тайны Питера?

- Про тайны, про интриги, про всё самое захватывающее! - пафосно ответил Харин, явно уже представляя себя в кресле ведущего федерального ток-шоу. - А ещё про то, как я героически карабкался по этим крышам, рискуя жизнью ради искусства!

Андрей, который всё это время пытался пристроить камеру так, чтобы случайно не уронить её, прошептал:

- Ага, героически. Только вы на третий этаж ленитесь подняться без лифта.

Харин метнул в его сторону испепеляющий взгляд, но спорить не стал - вместо этого он развернулся к Герману и начал с жаром обсуждать, под каким углом лучше снимать его профиль, чтобы он выглядел максимально харизматично.

Вера Павловна окинула взглядом эту компанию - добродушного Дроню, восторженную Зою, ворчливого Семёна Сергеевича, педантичного Германа, самовлюблённого Харина, настойчивого Вениамина Лазаровича, навязчивую Рину с Вуппи и нового спонсора Василия Петровича, который смотрел на них с лёгкой иронией, - и подумала, что если этот питерский выпуск получится хоть наполовину таким безумным, каким обещает быть подготовка к нему, то рейтинги «Прошлого под прицелом» взлетят до небес.

- Так, все успокоились! - громко произнесла она, стараясь перекрыть нарастающий гул голосов. - Сначала обсудим детали поездки, потом распределим задачи, а потом уже будем мечтать о федеральных каналах и героических восхождениях. Договорились?

Команда переглянулась, кто-то кивнул, кто-то пробормотал что-то невразумительное, но в целом атмосфера оставалась такой же хаотичной и неудержимо живой, как сам весенний Сочи, сверкающий на солнце и обещающий массу неожиданных поворотов.

Вера Павловна Ветрова сидела в сочинском офисе, перед ней лежал договор со спонсором. «Атмосферный контент с лёгким налётом риска», - значилось в одном пункте. Вера поморщилась: «Звучит как приглашение сломать ногу ради красивых кадров».

В этот момент в дверь просунулась голова Германа «Грома» Громова, режиссёра, который даже чай заваривал по раскладовке.

- Зато бюджет! - радостно заявил он, будто только что выиграл в лотерею не деньги, а сразу три штатива и один безупречный световой день без облаков. - Наконец-то купим ветрозащиту, которая не похожа на одуванчик! А то прошлый раз, когда ветер поднялся, микрофон выглядел так, будто мы снимаем не детектив, а рекламу шампуня!

Вера подняла глаза от бумаг и скептически изогнула бровь:

- Герман, ты уверен, что нам вообще понадобится ветрозащита на питерских крышах? Там ведь не обязательно стоять под ураганом, чтобы снять «атмосферный контент». Можно просто снять, как все мёрзнут и чихают, - это и так будет предельно атмосферно.

Герман аж подпрыгнул от возмущения:

- Вера Павловна, вы ничего не понимаете! Атмосферность - это не про чихание, это про то, чтобы в кадре всё было идеально! Чтобы ветер красиво развеивал волосы у Станислава Аркадьевича, а не превращал их в гнездо для воробьёв!

Тут в комнату впорхнула ассистентка Зоя, с таким воодушевлённым видом, будто только что выяснила, что Питер состоит исключительно из пряничных домиков и говорящих голубей.

- Ой, а я уже придумала, как можно обыграть этот «налёт риска»! Можно сделать так, чтобы Станислав Аркадьевич шёл по краю крыши, а внизу проплывал дирижабль! Или хотя бы большой воздушный шар! Ну, для масштаба!

Вера устало потеряла виски:

- Зоя, у нас нет дирижабля. И, подозреваю, в Питере их тоже не выдают напрокат вместе с разрешением на съёмку на крышах. Да и Станислав Аркадьевич, если я правильно помню, даже на стремянку поднимается с закрытыми глазами.

- Ну вот, вечно вы всё усложняете! - надулась Зоя, но тут же снова расцвела улыбкой. - А можно тогда просто туман? В Питере же всегда туман, правда? Он сам по себе атмосферный!

Семён Сергеевич, звукорежиссёр, который незаметно просочился в комнату и уже успел критически осмотреть все розетки, усмехнулся:

- Туман, девочка моя, для звука - это катастрофа. Он не только видимость снижает, он ещё и звук глотает, как голодный кот сметану. Ты хочешь, чтобы в выпуске все говорили как из бочки?

Зоя растерянно заморгала:

- А... а разве нельзя потом как-нибудь подправить? Ну, там, усилить голоса?

- Можно, конечно, - вздохнул Семён Сергеевич. - Только тогда все будут звучать как инопланетяне из старого фильма ужасов. Зато атмосферно, да.

Андрей «Дроня» Аверский, который всё это время пытался распутать километровый кабель и при этом не уронить камеру со штатива, поднял голову и вставил своё веское слово:

- А я вот думаю, может, нам вообще не надо никакого тумана и дирижаблей? Можно просто снять, как мы все пытаемся не поскользнуться на мокрой крыше, и как Станислав Аркадьевич кричит: «Я звезда!» - это и так будет хитом!

Герман «Гром» аж побледнел от такой кошунственной простоты:

- Андрей, ты вообще понимаешь, что такое телевидение? Это не документалка про скользкие крыши! Это искусство!

- Ага, искусство падать с крыш и потом монтировать так, чтобы никто не заметил, что мы все перепугались до дрожи в коленках, - пробормотала Вера себе под нос, снова уставившись на договор.

В этот самый момент в дверях возник Вениамин Лазарович с таким видом, будто он только что раскрыл заговор века (а зная свёкра Веры, это вполне могло оказаться правдой, пусть и касалось исключительно пропажи тапочек в подъезде).

- Я тут подумал, - начал он внушительно, поправляя галстук, - а вдруг на этих питерских крышах мы наткнёмся на что-нибудь криминальное? Ну, типа тайника с награбленным! Или секретного наблюдательного пункта! Я, как бывший полицейский, сразу всё замечу!

Вера вздохнула так глубоко, что, казалось, выдохнула разом все свои надежды на спокойную поездку:

- Вениамин Лазарович, мы едем снимать передачу про историю и архитектуру, а не про тайники с награбленным.

- Ну да, ну да, - не сдавался Вениамин Лазарович. - Но вдруг? В жизни всякое бывает! Вот я в восемьдесят пятом году...

- Вениамин Лазарович, - мягко, но твёрдо перебила Вера, - мы обязательно сообщим вам, если вдруг увидим подозрительный люк или человека в чёрном плаще. Обещаю.

Не успела она договорить, как в студию снова влетела Рина, держа на руках таксу Вуппи, которая смотрела на всех с таким высокомерным видом, словно была не собакой, а главным редактором канала.

- А я уже собрала чемодан! - радостно объявила Рина, будто это было главным достижением десятилетия. - И Вуппи тоже готова! Она обожает крыши! Правда, Вуппи?

Вуппи в ответ издала звук, подозрительно похожий на презрительный смешок.

Вера закрыла глаза и мысленно досчитала до десяти:

- Рина, мы ещё даже не утвердили окончательный состав группы. И вообще, такса на крышах - это... ну, скажем так, дополнительный фактор риска.

- Ой, да что ты, Вера! - отмахнулась Рина с лучезарной улыбкой. - Вуппи очень дисциплинированная! И потом, кто-то же должен следить за бытом! Ну и за Виктором Вениаминовичем... то есть за общим комфортом группы!

Семён Сергеевич закатил глаза так выразительно, что даже Герман «Гром» на секунду отвлёкся от своих рассуждений об идеальном кадре:

- Комфорт, говоришь? Да с такой компанией мы будем снимать не детектив, а реалити-шоу «Кто первым сорвётся с крыши от усталости»!

Харин, репетируя особо эффектную позу для питерских съёмок, посмотрел на всех с таким видом, будто сам факт его присутствия уже делал выпуск хитовым.

- Коллеги, вы вообще понимаете, с кем говорите? - начал он с пафосом, достойным театральной сцены. - Со звездой! Когда я появлюсь на питерских крышах, весь город остановится, чтобы посмотреть! А потом этот выпуск увидит Москва, и я наконец-то перейду на федеральный канал!

Дроня, всё ещё возившийся с кабелем, поднял голову и с невинным видом спросил:

- А если Питер не остановится? Ну, вдруг у них там в этот день какой-нибудь фестиваль или пробки?

Станислав Аркадьевич метнул в его сторону испепеляющий взгляд:

- Андрей, ты ничего не понимаешь в величии! Великих людей замечают даже в пробках!

Вера Павловна снова уткнулась в договор, где чёрным по белому было написано про «лёгкий налёт риска», и подумала, что, пожалуй, это самое точное описание их будущей поездки - причём риск тут был не столько физический, сколько нервный.

- Так, все успокоились! - произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не так, будто она вот-вот сорвётся на жалобный вой. - Сначала читаем договор, потом утверждаем состав группы, потом обсуждаем дирижабли, туман и криминальные тайники. Договорились?

Команда переглянулась, кто-то кивнул, кто-то пробормотал что-то невразумительное, а Вуппи громко чихнула, будто выражая своё авторитетное мнение по поводу всей этой затеи.

И в этой какофонии голосов, планов и абсурдных идей Вера Павловна вдруг поймала себя на мысли, что, несмотря на весь этот хаос, ей почему-то совсем не хотелось, чтобы всё это закончилось. Потому что именно из такого безумия, как ни странно, и получались самые живые и смешные выпуски «Прошлого под прицелом». Она, всё ещё не оправившись от прописанного в договоре слогана про «огни над Ленинградом», машинально поправила стопку бумаг, будто они могли каким-то чудом сами сложиться в стройный и логичный план съёмок.

- Станислав Аркадьевич, - произнесла она с той особой интонацией, которую обычно приберегала для особо безнадежных случаев, вроде попыток объяснить Туче, что диван - это не его личная альпинистская трасса, - сигнальные фонари на крышах Ленинграда - это про навигацию, про блокаду, про историю. А не про то, как эффектно вы будете смотреться в свете прожекторов.

Харин приосанился так, словно уже слышал фанфары федерального канала:

- Вера Павловна, ну что вы всё про историю да про историю! Зрителю нужен драйв! Нужен блеск! Ну скажите, разве «Прошлое под прицелом: кто зажигал огни над Ленинградом?» звучит плохо? Да это же готовый хит!

- Звучит так, будто мы снимаем мюзикл на крыше Мариинки, - пробормотала Вера себе под нос, но достаточно громко, чтобы Герман «Гром» Громов, стоявший неподалёку и сверявший список оборудования с каким-то мистическим чек-листом, одобрительно усмехнулся.

- А я вот про другое думаю, - подал голос Вениамин Лазарович, не отрываясь от своей потрёпанной записной книжки, где, казалось, хранилась вся криминальная хроника последних сорока лет. - Эти чердачные люки... В восьмидесятых за ними следили строго. А сейчас? Наверняка половина вскрыта, половина завалена хламом. Я тут коллеге из питерского УВД позвонил - он обещал скинуть ориентировки по подозрительным чердакам. Ну, чисто для контекста!

Вера закрыла глаза и мысленно досчитала до пяти:

- Вениамин Лазарович, нам нужны не ориентировки, а безопасные выходы на крыши. И желательно такие, где нет ржавых лестниц и голубей размером с индюка.

- Безопасные - скучно! - возразил Вениамин Лазарович с горящими глазами человека, который наконец-то нашёл применение своему богатому опыту. - А вот если мы найдём люк, который с восьмидесятых не открывали, там может быть что угодно! Хоть старый радиоприёмник, хоть тайник с письмами!

В этот момент в комнату влетела Зоя, размахивая блокнотом так, будто держала в руках не бумагу, а волшебную палочку, исполняющую желания:

- А я придумала! Можно сделать так: Stanislaw Arkadyevich стоит на краю крыши, ветер развеивает его плащ, а он таким глубоким голосом говорит: «Здесь, над городом, время замедляется...» Ну или что-то такое!

Семён Сергеевич, который как раз проходил мимо с катушкой кабеля, пробубнил:

- Время у него замрёт, как же. Скорее, замёрзнет. В Питере на крышах ветер такой, не то что плащ - голову сдувает. Да и Stanislaw Arkadyevich в плаще... Ну чисто граф Дракула на пенсии.

Stanislaw Arkadyevich на мгновение застыл и оторвал свой взгляд от зеркала:

- Семён Сергеевич, вы ничего не понимаете в образе! Образ - это половина успеха!

- Вторая половина - это чтобы звук не гудел, как трансформаторная будка, - съязвил Семён Сергеевич и скрылся за штативом, явно довольный своей репликой.

Тут в дверях снова возникла Рина, всё ещё держа на руках Вуппи, которая сегодня почему-то была в крошечном дождевике с узором в горошек - видимо, готовилась к питерской погоде заранее.

- А я тут подумала, - начала Рина с той самой приторной интонацией, от которой у Веры Павловны всегда слегка дёргался висок, - а может, взять с собой Виктора Вениаминовича? Ну, для безопасности! На крышах же скользко, мало ли что!

Вера уже открыла рот, чтобы вежливо, но твёрдо объяснить, что её муж занят своей работой и в съёмках участвовать не планирует, но тут вмешался Андрей, который всё это время пытался распутать очередной кабель:

- Ага, безопасность! А то мы все там без Виктора Вениаминовича сразу в люк провалимся! Ну или ветер унесёт!

Рина поджала губы так, будто Андрей только что оскорбил не её, а саму идею курортного романа:

- Вы, Андрей, совсем не понимаете, что такое забота!

- Зато я понимаю, что такое лишний вес в группе, когда мы по чердачным лестницам карабкаемся, - ответил Дроня, подмигнув Вере Павловне. - Без обид, Рина, но на узкой лестнице даже кот Туча - уже проблема, а уж с такой в дождевике...

Вуппи в ответ издала звук, подозрительно похожий на возмущённое «тяв!», будто понимала каждое слово.

На этом самом моменте вошел Василий Петрович, спонсор-руфер из Питера, и окинул собравшихся взглядом человека, привыкшего оценивать устойчивость кровельных конструкций с первого взгляда:

- Ну что, команда, готовы покорять питерские высоты? Только сразу предупреждаю: на крышах нет красных дорожек и официантов с шампанским. Там ветер, холод и потрясающие виды, если не бояться смотреть вниз.

Герман «Гром», который уже мысленно выстраивал идеальные ракурсы, встрепенулся:

- Вот! Это и нужно! Чтобы зритель почувствовал этот холод, этот простор! Чтобы у него мурашки по коже побежали!

- У зрителя мурашки будут от мысли, что Станислав Аркадьевич сейчас свалится с крыши, - пробормотала Вера, но тут же добавила громче: - Ладно, давайте без трагедий и героических поз. Нам нужно снять интересный, умный выпуск, а не шоу «Кто первый замёрзнет на питерской крыше».

Станислав Аркадьевич театрально вздохнул:

- Опять вы всё упрощаете, Вера Павловна. А ведь могли бы снять настоящий блокбастер!

- Мы снимем настоящий детектив, - твёрдо сказала Вера, глядя на договор, где всё ещё маячила зловещая фраза про «лёгкий налёт риска». - Про фонари, про людей, которые их зажигали, про город, который выстоял. И без дирижаблей, плащей и навязчивой заботы. Договорились?

Команда переглянулась. Зоя выглядела слегка разочарованной - видимо, ей очень хотелось, чтобы плащ всё-таки был. Дроня пожал плечами, Семён Сергеевич что-то проворчал про «нормальные съёмки», Вениамин Лазарович уже снова уткнулся в свою записную книжку, а Рина так крепко прижала к себе Вуппи, будто собака могла защитить её от этого несправедливого отказа включить мужа Веры в группу.

Василий Петрович улыбнулся - не широко, а так, по-доброму, как улыбаются люди, которые много раз стояли на краю крыши и знают, что самое важное там - не красивые позы, а крепкие перила и трезвая голова:

- Знаете, Вера Павловна, мне нравится ваш подход. Давайте сделаем так: минимум пафоса, максимум правды. Питерские крыши сами по себе драматичны. Им не нужны искусственные эффекты.

Вера наконец позволила себе лёгкую улыбку:

- Вот и договорились. Теперь осталось только убедить в этом нашего ведущего и бывшего полицейского, что чердаки - это не место для поиска тайников.

Станислав Аркадьевич открыл было рот, явно собираясь снова заговорить про федеральный канал, но Вера подняла руку - мягко, но так, что возражать расхотелось даже ему:

- Сначала читаем сценарий. Потом обсуждаем кадры. А про «альпиниста духа» и тайники с письмами - потом. Хорошо?

И в этой компании, где каждый тянул одеяло на себя - кто в сторону драмы, кто в сторону приключений, а кто просто хотел, чтобы его такса попала в кадр, - вдруг повисла та самая пауза, за которой обычно и начинается настоящая работа.

Рина картинно вздохнула, будто сама мысль о поэтичных питерских крышах без её фирменной язвительности причиняла ей почти физическую боль.

- Питерские крыши без моей язвительности будут слишком поэтичными, - повторила она с таким видом, словно делала миру огромное одолжение, просто находясь рядом. - А поэзия, Вера, без лёгкой горчинки - как маринованный огурец без укропа: вроде съедобно, но душа не радуется.

Вуппи твякнула, будто ставила жирную точку в этом философском рассуждении, и покосилась на Андрея, который как раз проходил мимо с камерой - видимо, подозревала, что он опять попытается снять её в невыгодном ракурсе.

- Рина, у тебя на каждый сквозняк - тайный ход, - устало ответила Вера Павловна, машинально поправляя стопку сценариев, которые Зоя уже успела украсить цветными стикерами с надписями вроде «Драматичный кадр!!!» и «Тут должен быть туман!!!». - Но ладно, ты умеешь разговаривать консьержек, а нам нужны коды от домофонов. Без них мы даже до чердачного люка не доберёмся, будем стоять под дверью и грустно смотреть на домофон, как туристы на закрытую достопримечательность.

Рина победно улыбнулась, словно только и ждала, когда её уникальные таланты наконец признают на официальном уровне:

- Уже договорилась с одной бабушкой. Она обещала дать рецепт маринованных огурцов. Настоящих, ленинградских, с дубовыми листьями! Теперь мы обязаны подняться наверх - иначе будет невежливо. Ну, вы же понимаете, в Питере такие вещи серьёзно воспринимают: поделилась рецептом - жди в гости.

Зоя была в таком восторге, будто ей только что пообещали не съёмку на крышах, а билет на бал в Зимнем дворце. Она прижала ладони к щекам и выдохнула:

- Представляете, они бегали по крышам с фонарями, как влюблённые из старого кино! Ну правда же! Может, кто-то передавал записки, а кто-то просто хотел посмотреть на город сверху, когда внизу всё такое серое и дождливое, а наверху вдруг солнце пробивается... Я уже мысленно подбираю саундтрек для сюжета - что-нибудь с гитарой и лёгким дождём на фоне. Ну или пианино, если будет особенно грустно!

Семён Сергеевич, звукорежиссёр, который в этот момент критически осматривал микрофон, будто подозревал, что тот нарочно шипит, чтобы испортить ему жизнь, только вздохнул - коротко, ёмко и предельно выразительно:

- Свидания у них были... с участковым. Кто-то же их в итоге ловил и записывал в протокол «нахождение на кровле без разрешения». В восьмидесятых за такие прогулки по крышам не романтику обсуждали, а объяснительные писали. Да и сейчас, если попадётся, никто тебе гитару с дождём включать не будет - сразу вопросы начнутся: «А что вы там делали? А кто разрешил?»

Зоя не сдавалась. Она вообще из тех людей, которые даже в протоколе о нарушении могут разглядеть завязку красивой истории.

- Может, это была такая необычная почта? Передавали записки между домами? Ну, знаете, как в шпионских фильмах: один фонарь мигнул - другой ответил! Или это были сигнальщики, которые подавали знаки тем, кто внизу...

- Знаки они подавали, ага, - пробубнил Семён Сергеевич. - Участковому, чтоб тот быстрее поднимался. Ты, девочка, начиталась детективов. В реальности на крышах холодно, грязно и ветер такой, что не то что записки - собственные мысли удержать сложно.

- А мне нравится версия про записки! - встрял Дроня, который наконец-то распутал кабель и теперь выглядел так, будто совершил подвиг национального масштаба. - Я вот думаю, можно снять так: Станислав Аркадьевич стоит на краю, держит в руке старый фонарь, а мы потом на монтаже добавим эффект мерцания - типа он кому-то сигналил! Ну, для атмосферы!

Вера Павловна закрыла глаза и мысленно попросила вселенную о крошечной милости - хотя бы о пятнадцати минутах тишины, чтобы спокойно прочитать договор со спонсором. Но вселенная, судя по всему, была занята другими делами.

- Андрей, мы снимаем не шпионский триллер, а расследование про сигнальные фонари на крышах Ленинграда, - произнесла она с той особой интонацией, которую обычно приберегала для самых безнадёжных случаев. - И Станислав Аркадьевич с фонарём на краю крыши - это уже перебор даже для нашего формата.

- Ну вот, опять вы всё упрощаете! - вздохнул Дроня, но без обиды, скорее с привычным добродушным смирением человека, которого вечно возвращают с небес на землю. - А я уж придумал, как красиво свет выставить...

Зоя слегка погрустнела, будто у неё забрали любимую сказку, но тут же встрепенулась:

- А можно тогда снять, как мы ищем следы? Ну, типа археологи крыш! Вот окурки - это как древние артефакты, правда? А ботинки - вообще целая история!

- Артефакты у неё, - проворчал Семён Сергеевич, поправляя наушники. - Ты ещё скажи, что голубиный помёт - это послания из прошлого.

- Ну почему сразу голубиный... - начала Зоя, но тут же махнула рукой: - Ладно, я поняла, без реализма никак нельзя, но и без романтики тоже скучно. Давайте сделаем и то, и другое!

Герман «Гром» Громов, который до этого момента молча сверял список оборудования, вдруг подал голос:

- Знаете, а идея с «археологами крыш» мне нравится. Можно сделать так: сначала показываем следы чьих-то прошлых прогулок, потом переходим к истории сигнальных фонарей, а в финале Станислав Аркадьевич стоит на той же точке, где когда-то стояли дежурные, и говорит что-то про связь времён. Без плаща, без мигающих фонарей - просто человек и город.

Харин, который стоял в эффектной позе, явно рассчитывая услышать что-нибудь про свой харизматичный профиль, слегка нахмурился:

- Связь времён - это, конечно, хорошо, но зрителю нужен драйв! Нужен эффект! Ну хотя бы один драматичный кадр, где я смотрю вдаль, а ветер развевает мои волосы!

- Твои волосы, Станислав Аркадьевич, ветер развевает даже когда мы сидим в студии, - пробормотал Семён Сергеевич так тихо, что услышал только Андрей, который тут же усмехнулся и поспешно сделал вид, что увлечён настройкой камеры.

Вера Павловна почувствовала, как к виску снова подбирается предательская пульсация, но решила, что паниковать рано.

- Так, давайте без крайностей, - сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, но не слишком грозно. - Делаем выпуск про историю, про людей, про город. Добавляем немного атмосферы, но без шпионских страстей и героических поз. Договорились?

Команда переглянулась. Зоя всё ещё мысленно подбирала саундтрек, Семён Сергеевич скептически поджимал губы, Андрей уже прикидывал ракурсы, Герман «Гром» мысленно выстраивал композицию кадра, Станислав Аркадьевич пытался придумать, как превратить «связь времён» в «звёздный момент», Рина строила планы по покорению питерских консержек (и, возможно, не только их), а Вуппи важно сидела на руках у хозяйки и всем своим видом давала понять, что она тут главная по атмосфере.

Василий Петрович, зашедший попрощаться после подписания контракта у продюсеров, улыбнулся и передал запечатанный конверт:

- Знаете, когда я впервые вылез на крышу в Питере, мне было лет семнадцать. Думал, увижу весь мир. А увидел только соседний дом, ржавую трубу и кучу голубиных гнёзд. Но почему-то это было здорово. Может, в этом и есть смысл - не придумывать красивую историю, а просто посмотреть на город своими глазами?

Вера Павловна кивнула. Впервые за утро ей показалось, что они действительно могут снять что-то стоящее - не пафосное, не нарочито драматичное, а живое и настоящее.

- Вот это и будет нашей главной задачей, - сказала она, глядя на команду, которая, несмотря на вечные споры, почему-то казалась ей самой подходящей для такого дела. - Посмотреть на город своими глазами. А всё остальное - диалоги, атмосфера, даже немного романтики - приложится само.

И в этой какофонии мнений и идей, Вера вдруг поймала себя на мысли, что, пожалуй, именно так и рождаются хорошие выпуски - из столкновения разных взглядов, из попыток

совместить реальность и фантазию, из того самого лёгкого хаоса, который почему-то всегда оборачивается чем-то по-настоящему интересным.

Андрей «Дроня» Аверский, оператор, радовался так, будто ему не съёмку на питерских крышах пообещали, а годовой запас горячих чебуреков в дождливую погоду.

- Наконец-то съёмка не под палящим солнцем! Там ветер, дождь, жесь - красота! - провозгласил он, явно уже видя в воображении идеальные кадры, где капли дождя эффектно стекают по объективу, а он сам выглядит как суровый герой документального блокбастера. - Только скажите, куда ставить, чтоб не сдуло вместе со мной, - добавил он с ухмылкой, покосившись на штатив, который, судя по всему, считал недостаточно устойчивым для питерских ветров.

Герман «Гром» Громов тут же оживился, будто кто-то включил в нём режим «режиссёр в экстазе от творческого замысла», и начал чертить на листке бумаги понятную лишь ему схему, время от времени тыча пальцем в воображаемые точки пространства:

- Нам нужен контраст парадного фасада и изнанки города! Дождь, блики на жести, провода как нотные строки... Представляете? Это же визуальный шедевр! Мы покажем зрителю то, что он обычно не замечает, то, что прячется за красивыми открытками с видами Петербурга!

Семён Сергеевич, звукорежиссёр, который в этот момент пытался упаковать в чехол особо капризный микрофон, лишь вздохнул:

- Блики, провода... А ты подумал, как мы звук запишем в такой ветер? Он же всё заглушит, будет похоже, что мы снимаем не детектив, а репортаж из эпицентра урагана! Да и жесь эта ржавая так гудит, будто там внутри целый оркестр репетирует!

- Искусство требует жертв, Семён Сергеевич! - пафосно ответил Герман, не отрываясь от своей схемы. - Мы найдём способы! Мы укротим ветер!

- Укротишь ты его, как же, - пробубнил Семён Сергеевич. - В Питере ветер не укрощают, с ним договариваются. Или прячутся.

Тем временем команда потихоньку начала собирать чемоданы, и процесс этот напоминал не подготовку к рабочей поездке, а сборы на необитаемый остров в условиях полной неопределённости. Зоя Зайцева, ассистентка Веры, носилась по студии с таким воодушевлённым видом, будто вместо питерской сырости её ждала экскурсия по кондитерским Северной столицы.

- А я взяла зонт! Ну, на всякий случай! И ещё тёплый свитер! И ещё один свитер! На всякий-всякий случай! - тараторила она, запихивая в сумку что-то объёмное и явно шерстяное. - Говорят, на крышах ветер такой, что даже мысли сдувает!

- Вот именно, - кивнул Дроня. - Поэтому я беру не только камеру, но и верёвку. Чтоб к трубе привязать. Ну, для надёжности.

Рина, которая тоже почему-то оказалась среди собирающих чемоданы (и, разумеется, не забыла про Вуппи, для которой уже был приготовлен отдельный мини-чемоданчик с дождевиком и запасным поводком), приподняла бровь:

- Верёвка? Звучит интригующе. А это точно для камеры?

- Рина, у тебя даже про верёвку получается двусмысленно, - устало заметила Вера Павловна, распечатывая письмо от спонсора - того самого «руфера-пенсионера», который утверждал, что сам был одним из тех самых «фонарщиков».

«Уважаемый коллектив передачи «Прошлое под прицелом», - писал Василий Петрович ровным, слегка выцветшим почерком, будто чернила тоже успели состариться вместе с историей, о которой он собирался рассказать. - Я готов показать вам маршрут, по которому когда-то ходили дежурные с сигнальными фонарями. Но только если команда пройдёт его целиком. Ну, почти целиком. Хотя бы символически. Прилагаю схему. Не пугайтесь пометок - они для ориентира».

К письму и правда была приложена выцветшая схема с пометками вроде «тут был трос», «тут люк залило», «здесь нас чуть не накрыл вертолёт».

Вера Павловна усмехнулась:

- Ну конечно, «фонарщики». Звучит как тайный орден трубочистов. То ли герои гражданской обороны, то ли участники подпольного клуба романтиков с фонарями. Но если там есть хоть один кадр с видом на Неву без туристов в кадре - берём!

Зоя, услышав про Неву, тут же загорелась новой идеей:

- А можно снять, как капли дождя стекают по стеклу, а за стеклом - Нева и мосты! И музыка такая... ну, немножко грустная, но светлая!

- И чтоб ни одного туриста в кадре, - мечтательно добавил Андрей «Дроня». - Ни одного человека с селфи-палкой! Только мы, ветер, ржавая жёсть и героическое преодоление!

- Героическое преодоление сырости и сквозняков, - уточнил Семён Сергеевич, застёгивая чехол с оборудованием с такой решимостью, будто готовился не к съёмкам, а к обороне крепости. - И чтоб потом никто не удивлялся, почему все в выпуске хрипят.

Вениамин Лазарович Ветров, свёкор Веры, который уже успел изучить схему Василия Петровича с профессиональным интересом бывшего полицейского, постучал пальцем по одной из пометок:

- «Здесь нас чуть не накрыл вертолёт», говорите? Любопытно. А какого типа вертолёт? И в какое время суток это было? В восьмидесятых за такими прогулками по крышам следили строго. Наверняка где-то в архивах УВД есть упоминания...

Вера Павловна закрыла глаза и мысленно досчитала до пяти:

- Вениамин Лазарович, мы едем снимать не криминальную хронику восьмидесятых, а сюжет про сигнальные фонари. Без вертолётчиков, архивов и протоколов.

- Протоколов не обещаю, - невозмутимо ответил Вениамин Лазарович. - Но внимательность гарантирую. На крышах всякое бывает.

Станислав Аркадьевич Харин, ведущий передачи, до этого момента демонстративно державшийся в стороне (видимо, чтобы не испачкать свой идеально отутюженный образ суетой сборов), наконец соизволил высказаться:

- Знаете, а в этом что-то есть. Питер, крыши, дождь... Я буду стоять на фоне Невы, ветер будет развеивать мои волосы, а я буду говорить о вечном. О том, как прошлое живёт в каждом камне этого города!

Андрей «Дроня» хитро прищурился:

- Ага, будет развеивать. Прямо как флаги на Дворцовой в шторм. Вы уверены, что не захотите спрятаться в люк при первом порыве ветра?

Станислав Аркадьевич метнул в его сторону очередной испепеляющий взгляд:

- Андрей, ты ничего не понимаешь в образе! Образ требует жертв!

- Образ требует, чтоб тебя не унесло в Финский залив, - пробормотал Семён Сергеевич так тихо, что услышал только Дроня, который тут же усмехнулся и поспешно сделал вид, что проверяет крепление объектива.

Вера Павловна снова взглянула на схему с пометками «тут был трос» и «тут люк залило» и подумала, что, пожалуй, именно такие детали и делают историю живой - даже если половина из них звучит как завязка авантюрного романа. Она знала, что рейтинг требует свежего воздуха и новых ракурсов, а сочинские легенды про тоннели между санаториями уже слегка приелись: зритель хотел чего-то настоящего, пусть даже слегка промозглого и ржавого.

- Так, все готовы? - спросила Вера, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, а не так, будто она сама сомневается в разумности этой затеи. - Питер нас ждёт. Ветер, дождь, ржавые листы жести и шанс снять сюжет, который одновременно про историю, про ветер с Невы и про то, как красиво выглядит город, если смотреть на него сверху - и при этом не свалиться.

Команда переглянулась. Зоя сжимала в руках зонт, словно это был волшебный артефакт, способный защитить их от всех питерских сквозняков. Андрей «Дроня» с любовью поглаживал камеру, будто это был верный боевой товарищ. Семён Сергеевич хмурился, явно мысленно составляя список проблем, которые их ждут на крышах. Вениамин Лазарович сверял схему с каким-то своим внутренним радаром бывшего полицейского. Станислав Аркадьевич репетировал в уме проникновенные фразы о вечном, а Рина с Вуппи выглядели так, будто ехали не на съёмки, а на светский приём, где им предстоит блистать вопреки сырости.

И среди этой компании, где каждый видел предстоящие съёмки по-своему - кто-то как героическое приключение, кто-то как неизбежное испытание, а кто-то как шанс поймать идеальный кадр, - вдруг повисло то самое предвкушение, которое обычно предшествует не просто поездке, а маленькому безумству, способному превратиться в отличную историю.

На следующий день команда грузилась в такси до аэропорта с таким видом, будто ехала не в Питер, а на секретную операцию по спасению мира от нашествия говорящих голубей. Зоя Зайцева прижимала к груди сразу два зонта - один для себя, второй «на всякий пожарный, вдруг Андрею понадобится», и тараторила без остановки:

- А вы представляете, как там сейчас? Сыро, ветрено, и небо такое низкое-низкое, будто его можно рукой потрогать! Прямо как в хорошем детективе, где все друг другу не доверяют, а погода вообще ведёт себя подозрительно!

Андрей «Дроня», который пытался одновременно запихнуть в багажник штатив, сумку с объективами и пакет с бутербродами («А что, в самолёте могут и не покормить нормально!»), лишь вздохнул:

- Доверять тут надо не людям, Зоя, а прогнозу погоды. Если он обещает «небольшой дождь», значит, будет штормовое предупреждение. Проверено сочинским опытом!

Вера Павловна, державшая в руках папку с документами так, словно в ней были не бумаги, а хрупкая фарфоровая ваза, вздохнула:

- Главное, чтобы в Питере дождь не совпал с нашим выходом на крышу. Иначе вместо атмосферного кадра получим мокрую команду, дрожащую от холода и издающую звуки, похожие на жалобное курлыканье.

Рина, устроившаяся на заднем сиденье вместе с Вуппи (такса была в том самом дождевике в горошек и смотрела на мир с таким высокомерным видом, будто знала все тайны питерских чердаков), приподняла бровь:

- Атмосферно, Вера, бывает и мокро. Зато потом можно сказать: «Мы снимали в экстремальных условиях!» Это сразу рейтинг поднимает. Ну, или хотя бы даёт повод для жалостливых селфи.

Вениамин Лазарович, который сидел рядом и сверлил взглядом каждый видимый куст, будто подозревал, что за ними прячется засада, важно сказал:

- Экстремальные условия, Рина, это когда у тебя под ногами ржавая решётка, а над головой провода гудят так, что зубы вибрируют. А мокнуть под дождём - это так, лёгкая разминка. В моё время за такие прогулки по крышам не селфи делали, а объяснительные писали.

Герман «Гром», сидевший впереди и то и дело поправлявший кепку с логотипом передачи так, чтобы она сидела под идеально выверенным углом, тут же встрепенулся:

- Вениамин Лазарович, мы не про объяснительные снимаем, мы про историю! Про людей, которые дежурили на крышах, про сигнальные огни, про город, который выстоял! Нам нужны эмоции, нам нужен драматизм!

- Драматизм будет, когда мы по лестнице на чердак полезем, - проворчал Андрей, наконец-то захлопнув багажник такси. - Особенно если лестница шатается. Вот тогда эмоции будут самые настоящие, без актёрской игры.

Зоя тут же загорелась новой идеей:

- А можно снять, как мы поднимаемся! Ну, типа показать все трудности! И потом наложить тревожную музыку! Или, наоборот, весёлую - чтобы было смешно, как мы пыхтим!

- «Весёлую музыку», - мрачно повторил бы Семён Сергеевич, но его в этой поездке не было, - он остался в студии, сославшись на неотложные дела. - Хотя на самом деле он просто заявил с тем особым выражением лица, которое у него появлялось, когда он не хотел никуда ехать: «У меня тут сеть сплетников Сочи, которую я не могу оставить без присмотра. Они же без меня такого наплетут - потом в эфире стыдно будет!»

И теперь, сидя в такси, команда то и дело вспоминала его слова, и каждый понимал: Семён Сергеевич остался там не просто так. В Сочи, среди пальм и курортной суеты, он был как рыба в воде: знал, кто с кем поссорился, кто кому продал старый микрофон, а кто тайком репетирует стендап по ночам. И если где-то в окрестностях вдруг всплывала хоть малейшая деталь, способная пригодиться для расследования, - Семён Сергеевич узнавал об этом первым. «Это не сплетни, - говорил он обычно, когда кто-то пытался его поддеть. - Это оперативная информация!»

- Ну вот, Семён Сергеевич остался сторожить сочинские тайны, - задумчиво произнесла Зоя, глядя в окно, где пальмы постепенно сменялись более скромными придорожными кустами. - А мы едем раскрывать питерские. Как будто две разные вселенные!

- Две вселенные, Зоя, - повторила Вера Павловна с лёгкой усмешкой. - Одна - где все знают всё про всех, другая - где никто ни о чём не рассказывает, зато все смотрят друг на друга с подозрением. И обе одинаково полезны для детектива.

- Особенно если добавить немного сырости и ветра, - вставил Андрей, поёжившись при одной мысли о питерской погоде. - Вот вам и интрига: выживем - не выживем!

Вениамин Лазарович усмехнулся:

- Выживем, не волнуйся. Главное - не терять бдительности. На крышах всякое бывает. То люк окажется закрыт, то сосед сверху решит, что мы воры, и начнёт кричать с балкона.

- Или решит, что мы блогеры, и попросит снять его в кадре, - добавила Рина с той самой интонацией, от которой даже Вуппи слегка нахмурилась, будто тоже не одобряла идею случайных появлений чужих в роликах.

Герман «Гром» достал из кармана блокнот и начал что-то быстро записывать, время от времени вздыхая:

- Нам нужен контраст! Парадный Петербург и его изнанка! Величественные фасады и ржавые лестницы! Свет и тень!

- И мокрые ноги, - вполголоса добавила Вера Павловна так, чтобы слышал только Андрей.

Тот улыбнулся:

- Зато потом можно будет гордо говорить: «Мы прошли через всё! Даже через лужу на чердаке!»

Такси тем временем выехало на трассу, и пейзаж за окном стал совсем будничным: заправки, рекламные щиты, машины, спешащие по своим обычным делам. И эта обыденность странным образом успокаивала - как будто напоминала, что, какие бы крыши и тайны их ни ждали впереди, всё это всё равно часть обычной жизни, где есть место и страху, и смеху, и бутербродам в пакете, и таксе в дождевике, которая время от времени таяла, словно проверяя, все ли на месте.

- А вы думаете, Василий Петрович правда был одним из тех самых «фонарщиков»? - вдруг спросила Зоя, нарушив недолгую паузу. - Или он просто любит рассказывать красивые истории?

Вениамин Лазарович прищурился, явно прикидывая, как бы задать этот вопрос в стиле опытного следователя:

- Красивые истории, девочка, бывают и правдой. В восьмидесятых на крышах дежурили разные люди: и романтики, и те, кому просто некуда было идти, и те, кто понимал, насколько это важно. Надо будет у него уточнить пару деталей - чисто для ясности.

- Вениамин Лазарович, - мягко, но твёрдо произнесла Вера Павловна, - мы едем снимать не допрос, а сюжет. Без уточняющих вопросов и профессионального интереса бывшего полицейского.

- Профессиональный интерес, Вера, - невозмутимо ответил Вениамин Лазарович, - никуда не девается. Он как старый плащ: может годами висеть в шкафу, но в нужный момент всегда под рукой.

Рина скривила губки:

- Ну да. А потом мы удивляемся, почему люди при виде Вениамина Лазаровича начинают нервно поправлять одежду и вспоминать, не забыли ли они закрыть форточку.

Вуппи твякнула, будто ставила точку в этом разговоре, и уткнулась носом в окно, где уже начинали проступать очертания аэропорта - большого, суетливого и совершенно не похожего на уютный сочинский вокзал, где всё было знакомо до последней трещины на асфальте.

Вера Павловна ещё раз проверила папку с документами, глубоко вдохнула и подумала, что, пожалуй, именно так и начинаются все хорошие истории - с дороги, с предчувствия чего-то нового и с команды, где каждый смотрит на предстоящие события по-своему, но все почему-то едут вместе.

- Ну что, готовы к питерской сырости, ржавым листам жести и тайнам чердачных люков? - спросила она, стараясь, чтобы голос звучал бодро, а не так, будто она сама до конца не верила в разумность этой затеи.

Команда переглянулась. Зоя сжимала зонты так, словно это были волшебные палочки, способные превратить дождь в солнечный свет. Андрей мысленно прикидывал, как лучше закрепить камеру, чтобы её не унесло ветром. Вениамин Лазарович уже составлял в уме список вопросов к Василию Петровичу. Герман «Гром» придумывал в голове первые слова закадрового текста. Рина строила планы по покорению питерских консьержек, а Вуппи просто ждала, когда всё это наконец закончится и можно будет спокойно понюхать все углы на новой территории.

И в этом собрании таких непохожих людей и одной очень серьёзной таксы было что-то такое, что заставляло верить: даже если дождь окажется сильнее, чем ожидалось, а крыши - скользче, чем хотелось бы, сюжет всё равно получится живым, ироничным и по-настоящему интересным.

Глава 2

Самолёт приземлился в Пулково с таким мягким толчком, будто пилот решил проявить особую деликатность - мол, мы тут в Питер прилетели, тут и без резких движений атмосфера достаточно драматичная.

Команда вывалилась из терминала аэропорта Пулково, разом вдохнула питерскую сырость, которая тут же принялась пробираться под куртки, свитера и даже под самые оптимистичные ожидания, и застыла на мгновение - каждый по-своему осмысливал этот фирменный влажный привет Северной столицы.

Станислав Аркадьевич Харин, ведущий передачи, первым нарушил паузу, привычно начав с ворчания - ему будто физически становилось неудобно, если он хотя бы пять минут не высказывал недовольства:

- Ну вот, опять серость, - ворчал он, демонстративно шурясь, хотя небо, строго говоря, не было ни особенно серым, ни особенно мрачным - так, нейтрально-облачным, в духе сдержанной питерской элегантности. - В Сочи сейчас солнце, пальмы, люди в шортах селфи делают, а мы тут мокнем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.